
ТЕОРИЯ

РЫНОК И ЕГО БУДУЩЕЕ*

Лайбман Дэвид - профессор экономики в Бруклинском колледже и в аспирантуре Университета Нью-Йорка, редактор журнала «Наука и общество» (на протяжении последних 15-ти лет).

1. Все рынки сами по себе не являются капиталистическими, однако капиталистический рынок становится всеобщим и должен выйти за собственные пределы.

Капиталистическая идеология усилена работает над укреплением абстрактной концепции Рынка, асоциального, неисторического, вечного и неизменного. Но это понятие само по себе вытекает из обыкновенного жизненного опыта. В той самой своей обыденности, в которой возникает этот опыт на первый взгляд в действительности. Этот аспект невозможно переоценить: рыночная идеология становится доминирующей не столько за счёт действий капиталистического «идеологического аппарата» (государственного, информационного, образовательного); она стихийно развивается в ходе жизни. Тем не менее, печально видеть, как идеология рынка отражается в «левых толках», в многочисленных научных трактатах, в которых смешиваются понятия рынка и его конкретные капиталистические исторические формы. Здесь не хватает критического осмысления того, что рынок является социально укорененной действительностью, развивающейся в докапиталистической, капиталистической и посткапиталистической формах. Смешивание рынка и капитализма, как, например, в приписываемой Марксу идее, которая совершенно ему чужда, о том, что изучение товаров и процесса образования стоимости непосредственно и всецело относится к теории капиталистического общества, само по себе служит простой цели, а именно превращает социализм в тысячелетнюю идеологию, подобную библейским предсказаниям. Этот апокалипсис означает внезапное ниспровержение не только капиталистического правящего класса, как будто этого недостаточно, но также всего, что связано с рыночными отношениями: денег, цен, заработной платы, и т.д. Это утопический, в конечном счёте, мистический образ мышления. Он выставляет социализм в менее, а не более привлекательном свете, недооценивая восприятие людьми социализма как

* Написал и отредактировал 6 книг и десятки статей, посвящённых экономической и социальной теории марксизма. Его самая последняя книга называется «Глубинная история: анализ социальной эволюции и человеческого потенциала». Является членом URPE с 1973 года.

стройка, основанного на действительных фактах и достойного серьёзного рассмотрения.

Исторически уникальная способность капиталистического рынка к приобретению всеобщего характера является материальной основой для возникновения устойчивого социализма. В отличие от многочисленных простых (докапиталистических) рыночных отношений, рыночные формы в рамках капитализма играют жизненно важную роль в осуществлении процесса капиталистической эксплуатации. Способность извлекать выгоду зависит от появления этой выгоды в стоимостной форме, так же, как и всех остальных элементов капиталистического производства, особенно рабочей силы. Именно капиталистический процесс вынуждает рыночную логику устанавливать господство над каждым сектором социальной жизни. Капиталистический рынок, а не просто рынок, охватывает семейную жизнь, личные отношения, общественную жизнь («гражданское общество»). Он продвигает собственнический индивидуализм – противоположность концепции действительного, полностью сформировавшегося человеческого индивидуума. Более того, он создаёт элементарную действительность (что означает «стихийную»), или неумышленный социальный процесс: вещи просто происходят, независимо от воли человека. Затем действительность выдвигает идеологию, согласно которой «невозможно изменить человеческую природу», «*homo homini lupus est*» («человек человеку волк» – лат.), и тому подобное. «Рынки» необязательно порождают поляризацию, отчуждение, стихийность. Но капиталистические рынки делают это! И это происходит не случайно, а потому, что все эти аспекты жизни капиталистического общества утилитарны, они являются обязательными условиями воспроизведения власти капитализма. Я полагаю, что именно это должно стать нашим ответом «рыночному социализму» – не просто обыкновенная критика «провалов рынка», но необходимость во всеобъемлющем политическом выходе за пределы паутины патологий, возникающих из придания общественной жизни стоимостного характера. Эта паутина является для нас наследием капитализма, и противостоять ей можно только политически, т.е. путём выдвижения демократической направленности в качестве альтернативного руководящего принципа.

2. Опыт посткапитализма 20-го века состоит из весьма важных положительных и отрицательных уроков, и только левые могут придать этому опыту жизненные силы.

Мы должны с этим смириться. Если вы считаете, например, что вопрос происхождения Советского Союза сейчас лишь история, он вернётся и будет мучить вас.

Относительная слабость левых в прошлом веке, которые были преждевременно вытолкнуты на роль лидеров народных движений из-за войны и депрессии, привела к большому расколу, который если и не был неотвратим, то, по крайней мере, избе-

жать его было крайне трудно. Русская революция разделила нас. Те, кто ее поддерживал – и я принадлежал к этой традиции, – видели, так же как видели и капиталистические правящие классы, что СССР пробил решающую брешь в капиталистической системе. Поддержка этому прорыву, однако, стоила больших издержек. Пошатнувшись от удушающих веяний концепции TINA¹, просоветские левые теперь принимают эту новую реальность в некритической манере, по пути отказываясь от идеи социализма в качестве теоретического проекта, на основе которого могла бы быть сохранена независимость суждений. Господствующие силы капиталистического мира, в свою очередь пускают в ход свои обширные культурные, психологические, информационные, религиозные и образовательные ресурсы, создавая цельный антисоветский тип мышления, практически фундаментальную парадигму, связывающую СССР и его союзные государства в Европе и Азии с практически всяким постижимым злом. Для просоветских левых настала пора признать угрозы культурной изоляции и слепой преданности партиям и государствам, которые выступают от имени революционных движений рабочего класса, особенно там, где партии и государства обременены культурной и экономической отсталостью и вынужденной изоляцией от капиталистического мира. Но также пришло время для их оппонентов, традиционно придерживающихся антисоветской традиции, признать ту степень, в которой их мышление отражает господство общепринятого антисоветизма, который внедрился в ткань их сознания задолго до того, как они стали достаточно взрослыми для занятий политикой.

Какой бы стороны мы ни придерживались, текущая задача кажется вполне ясной. Нам необходимо понять и усвоить весь посткапиталистический опыт 20-го века, как положительный, так и отрицательный, по ходу нашего противостояния нашим собственным «демонам» (какими бы они не были). Резюме негативного представления, является, однако, гораздо более известным (по очевидным причинам). Деформации сталинской эпохи, массовые убийства и аресты, мрачная атмосфера идеологического послушания, величие могущества и личности единственного лидера, чрезмерная политизация культурной, научной и академической жизни, бюрократия, авторитаризм, карьеризм – всё это необходимо конкретно проанализировать в контексте истории. Но вот что остаётся неизвестным о событиях советских времён (даже в рамках URPE!²), так это широкий масштаб положительных достижений Советского Союза, как социального, так и технологического характера.

¹ TINA – аббревиатура от слов «There Is No Alternative» (альтернативы нет – англ.). Прим. Ред.

² URPE (Union of Radical Political Economy) – Объединение радикальной политической экономики (общественная организация экономистов левого направления, преимущественно из США). Прим. Ред.

У меня недостаточно времени для того, чтобы вдаваться в подробности, но я вкратце упомяну несколько моментов. Экономические решения брежневской эпохи 1979 года дали ход решительным переменам в сторону усиления экономической демократии: в рамках предприятий были созданы бригадные советы, в чью ответственность входила разработка и реализация собственных планов, а также управление собственным бюджетом, был установлен прямой порядок выборов, как для руководителей бригад, так и для руководства предприятия, были разработаны общие системы установления бонусов (изменяемая часть заработной платы) наряду с «нормативным» критерием оценки работы предприятий, команд и индивидуумов. Прямые выборы руководящего состава предприятия приняли характер массового движения и повсеместно использовались во всех отраслях промышленности СССР к 1985 году³. Лишним будет говорить о том, что они были упразднены около 4-х лет спустя, когда возникло противоречие с предпосылками «частной собственности» в понимании так называемых «частников», которые переросли с сегодняшних российских «мафиози». Этот недолгий период процветания промышленной демократии был единственным в своём роде. У него не существует аналогов в других странах Восточной Европы⁴ или Азии (Куба является особым случаем, с её важным вкладом в условиях отсталости и эмбарго, и требует отдельного изучения). Советская система полностью затмила все притязания Западной Европы и Северной Америки: «кружки качества трудовой жизни», «совместное принятие решений», и т.д. (Вы отметили, что теперь, когда Советского Союза больше нет, никто о подобных вещах больше не говорит?) К сожалению, это был недолгий период. Накопленный, не нашедший выхода гнев от оскорблений, нанесённых властью в эпоху Сталина и позднее, бурно вышел наружу, затопляя первые уязвимые ростки социалистической демократии на этапе зарождения. Этот грандиозный взрыв, отражающий несостоятельность раннего социализма, был слишком мощным и смог подавить положительный потенциал Советского Союза, и результат нам известен. Но пока он существовал, этот потенциал воплощался в уникальных социальных институтах, и теперь для левых во всем мире возможным и необходимым признать этот факт и сделать выводы.

3. Экономическое координирование вне рынка возможно и необходимо, однако не может быть демократическим до тех пор, пока оно не является одновременно и централизованным, и децентрализованным.

³ Автор несколько ошибается. Выборность руководителей предприятий была установлена на короткий срок только с 1988 года. Прим. Ред.

⁴ Еще одна ошибка – аналогичный и значительно более длительный опыт (около 30 лет) имелся в Социалистической Федеративной Республике Югославия. Прим. Ред.

Мы привыкли мыслить в рамках простых двойственных противопоставлений: планирование («командная экономика») против рынка, централизованный контроль против местной автономии, и тому подобное. Такой подход является поверхностным, общепринятой заменой для серьёзного размышления о том, что действительно имеет значение: реальное социальное содержание на всех уровнях экономического координирования. Именно постольку это так глубоко заложено в нашем сознании, что для преодоления такого подхода необходимо приложить много усилий, провести «долгую, тяжёлую борьбу, чтобы спастись». Мы, например, привыкли говорить о «централизованном планировании советского периода», что это практически стало притчей во языцех, фразой, которую невозможно избежать. Но я полагаю, что противопоставление «централизованное планирование против рынка», является существенным заблуждением, как концептуально, так и эмпирически. Эмпирически потому, что ни разу в истории СССР централизованному планированию не подчинялось что-либо сверх небольшой части товаров и услуг: число сырьевых балансов (детальный учёт ресурсов и назначения товаров), на высшем уровне никогда не превышало 1500. Может показаться, что это много, на самом деле это не так. Большинство товаров, вообще подлежащих планированию, производились на предприятиях, которые, как отмечалось, относились к более низкому административному уровню: республиканскому, региональному, городскому. Другими словами, отмечалась высокая степень делегирования полномочий вниз и децентрализации. Это, конечно же, не означает, что процесс принятия решений был либо эффективным, либо демократичным: деспотизм на местном уровне широко известен в истории, а у эффективности много предпосылок.

Но, как обычно, сутью вопроса является концептуальный аспект. Давайте начнём с разделения понятий планирования и координации. Мы используем термин «планирование», когда действительно имеем в виду «экономическое координирование»: предвидение, а затем следование чёткому образцу производства, обмена и распределения товаров среди институциональных образований и индивидов. Думаю, слово «планирование» необходимо оставить для следующего: разработка путей последующего развития, его условий, использования ресурсов, отношений между коммунальным и производственным секторами, экологического равновесия. Фактически, планирование – это настоящая сделка: до тех пор, пока оно носит демократический характер, это означает, что люди, наконец, получили контроль над собственной судьбой и формируют направление человеческого развития. Вместо того я бы здесь сосредоточился на менее претенциозном вопросе координирования в настоящее время.

Координирование может быть спонтанным и «стихийным», как это и бывало в большинстве исторических форм рыночных отношений. Под своим капиталистическим обликом рынки прячут и усиливают мощь частных капиталов, и последние могут

быть чрезвычайно централизованными и концентрированными. В рынках, по существу, нет ничего «малого», а в нерыночном координировании – ничего, по сути, «обширного». Нерыночное координирование также присутствует на различных уровнях, от центрального, политического, включающего политическое обеспечение существования территориальной целостности, до самого децентрализованного: отдельные предприятия или бригады в рамках предприятий.

В контексте капитализма существует тенденция вытеснения со временем более централизованным рыночным координированием более децентрализованного координирования; это неотъемлемая движущая сила накопления капитала. Вражда между центральными и децентрализованными уровнями свидетельствует о конфликте в самой сути социального процесса. В контексте социализма, я полагаю, всё совершенно иначе. Когда спонтанное координирование заменяется политическим, уровни (центральный, децентрализованный), достигают скорее симбиотической зависимости друг от друга, чем находятся в конфликте. Просто предположим: хорошее, эффективное центральное координирование является предпосылкой для хорошего, эффективного децентрализованного координирования, и наоборот. Обоюдная необходимость ясна: центральный уровень обеспечивает стабильность и доступность – цены, нормы, основные структурные условия, определяющие потребности и ресурсы для товаров. Подобная устойчивая система делает возможным для децентрализованных подразделений подсчитывать, сравнивать, и т.д. Вместо произвольного статистического хаоса стихийного рынка местные предприятия и коллективы получают имеющую твёрдые принципы и содержательную макросреду. Макро-координирование, а не «рынок», обеспечивает условия для действительно рационального выбора. Осуществляющаяся на прочной основе деятельность на микро-уровне, в свою очередь, сама по себе производит хорошо компилируемую информацию – превращение местных специфических знаний в хорошо поддающиеся агрегированию данные. Без обширного и совместного координирования на местном уровне центр отрезан от действительности, а его макро-данные отклоняются от верного направления. В отсутствие тщательным образом собранного набора макро-данных бригады на нижестоящих уровнях не смогут выяснить, что им необходимо знать для того, чтобы разработать собственные координационные проекты («планы»), а также применять их.

Таким образом, никогда не шла речь о противостоянии «централизованного планирования» и «рыночной децентрализации». Целью социализма, поставленной в рамках событий 20-го века, но достигнутой лишь до определённой степени, было создание системы всестороннего сотрудничества, в которой центральные и децентрализованные уровни (а также, безусловно, промежуточные) симбиотически взаимодействуют, вовлекая увеличивающееся количество людей в эту деятельность до тех пор, пока все работающие люди, способные и желающие быть политически и социально активными, не станут её частью. Расстояние между управленче-

ским/творческим/интеллектуальным трудом и стандартным производственным трудом понемногу исчезает. Это и есть социалистическая демократия. Она не может существовать без централизованного координирования, но её никогда нельзя будет свести к централизованному координированию. Она совершенно несовместима с локальной автономией в отсутствие централизованного планирования, которое должно перерасти либо в самопроизвольную анархию (рынки), либо в автаркические изолированные единицы. Альтернативой возврата к прежнему состоянию, т.е. состоянию стихийной маркетизации или доцивилизационному состоянию, является всестороннее демократическое координирование.

Я использовал термин «рациональный выбор», и это, наверняка, то же самое, как поднять флаг. Я испытываю искушение сказать, что рациональный выбор слишком важная вещь, чтобы её оставить на откуп Марксистам Рационального Выбора. Тем, кто предлагают руководить во имя рабочего класса, а также принимать решения об использовании ресурсов, находящихся сейчас в собственности рабочего класса, организованного как «общества в целом», следовало бы лучше знать свои собственные взгляды, когда дело доходит до принятия решений. Мы можем легко сослаться с идеей, что существует единственный, уникальный социальный оптимум. Мы можем также допустить, что параметры квази-оптимального выпуска (лучшего, что может быть достигнуто в реальности) могут стать результатом того, что Пат Дивайн называет «договорным координированием» - систематическим и непрерывным совещанием рабочих коллективов, коммунальных сообществ, педагогов, культурных сообществ (основанных по половому, этническому, языковому признакам), а также руководителей, представляющих более широкую картину и работающих по демократическому мандату и под контролем. Здесь мне также хотелось бы замолвить слово за концепцию комплексных показателей, или норм. Это формулы, согласно которым ценам и доходам суждено отражать множественные критерии благосостояния. Вдобавок к успешному функционированию в соответствии с рамками, общими для предприятий в экономике капитализма, что, вероятно, суммируется в некотором уровне рентабельности, может также существовать критерий, который измеряет успешное достижение социалистических целей. Отвечает ли проделанная работа этим целям и целям общества в преодолении неравенства (полового, расового, городского/сельского)? В создании связей со школами, местными органами власти, иными сообществами и организациями? В заботе об окружающей среде? В развивающихся системах ротации рабочих мест и обогащения содержания труда, преодолении иерархического неравенства в контексте рабочей силы? В содействии совместному использованию технологий и навыков в пределах одного сектора и в более широком масштабе? Список можно продолжить, но уже достаточно для того, чтобы отметить, что социалистический учёт и оценка содержат огромный потенциал, который недос-

тупен любому стихийному рыночному процессу, является ли он действительно существующим капиталистическим или лишь гипотетически «рыночно-социалистическим».

Получившаяся картина отражает многоуровневое демократическое координирование, связывающее политические переговоры, сложные расчёты и информационный обмен. Многократные потоки, возникающие между уровнями (от децентрализованного к центральному, и обратно) формируют конвергенцию, сближение с квази-оптимальным и квази-совместимым «планом», передающим как внутреннее знание, так и наилучшую оценку рабочими коллективами своих возможностей, с одной стороны, и координационных возможностей центра, его способности ухватить эффект от масштаба, избегать «дилеммы заключённого», а также достигать долгосрочных, демократически установленных целей и критериев, с другой стороны. Теперь перед нами стоит неотвратимый вопрос: это сработает? Осуществимо ли это технически?

В своём исследовании для специального выпуска журнала «Наука и общество», под названием «Теоретическое построение социализма: альтернативы капитализму и невидимой руке» Пол Кокшот и Аллин Коттрелл отмечают по поводу опыта СССР: «В системах советского типа использование сырьевых балансов было лишь частичным. Технологий обработки информации, необходимых для полной эксплуатации сырьевых балансов, не существовало. Но они существуют сейчас». (2002, 55). Я бы хотел выделить и подчеркнуть последнее предложение приведённой цитаты, которое, безусловно, относится к обширному и преимущественно неиспользованному потенциалу современных информационных технологий. Даже в условиях капитализма, при котором полное координирование невозможно, крупные фирмы разработали интрасети, внутренние системы для связи, объединения, разукрупнения и обработки информации. Технически это вполне осуществимо, и я считаю, что есть воодушевляющие перспективы для того, чтобы постепенно связать интрасети предприятий с сетями общеэкономического масштаба, – я уже дал этому странное причудливое название «E-Cordi-Net» (Лейбман, 2001), – что постоянно накапливает в себе внутренние плановые инновации так, что каждый, включая сюда и центральные координирующие органы, но не ограничиваясь ими, могут наблюдать совокупные тенденции; и что также постоянно пересчитывает цены и плановые показатели в социальную квази-оптимальную форму. У центра есть права и обязанности вмешиваться и перенаправлять локальные инициативы туда, где они кажутся необходимыми; предприятия являются общественной собственностью, а не частной собственностью их нынешних рабочих коллективов, и передача власти рабочим коллективам всегда этим ограничивается. Но «E-Cordi-Net», система многоуровневого координирования исключает огромные временные промежутки между предложением и подтверждением, между «планом» и его «осуществлением», она становится единым непрерывным процессом, в который может вовлекаться увеличивающееся количество работающих

людей. И это, повторю, социалистическая демократия, всегда несовершенная и незаконченная, всегда являющаяся предметом корректировки и пересмотра. Все уровни в многоуровневом процессе видны и открыты благодаря существующей на сегодняшний день информационной технологии. Все уровни, включая – подчеркну – центральный, функционируют в условиях обозримости и энергичных общественных дебатов. Необходимо ли отмечать, что этого ключевого условия, открытости и культивирования настоящего обсуждения, существенно не хватало в случае Советского Союза? Я каждому оставляю право самому судить об относительной значимости каждого из двух недостающих элементов – открытого интеллектуального и политического климата, а также современных вычислительных и коммуникационных технологий, – в процессе провала попытки Советского Союза преобразиться и остаться мощным государством в 20-м веке. Но я полагаю, должно быть ясно, что возможности центрального/децентрализованного демократического координирования в качестве альтернативы преднамеренному отказу в пользу стихийных рынков, необходимо всё же изучить на практике.

Литература.

- Albert, M., and R. Hahnel. 1991. *The political economy of participatory economics*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Albert, M., and R. Hahnel. 1991. *Looking forward: participatory economics for the twenty first century*. Boston, MA: South End Press.
- Albert, M., and R. Hahnel. 1992. Participatory planning. *Science & Society* 56(1): 39_59.
- Bowles, S., D. M. Gordon, and T. E. Weisskopf. 1983. *Beyond the waste land: a democratic alternative to economic decline*. Garden City, NY: Anchor Press/Doubleday.
- Cockshott, W. P., and A. F. Cottrell. 1993. *Towards a new socialism*. Nottingham, UK: Spokesman Books.
- Cockshott, W. P., and A. F. Cottrell. 2002. The relation between economic and political instances in the communist mode of production. *Science & Society* 61(3): 330_357.
- Devine, P. J. 1988. *Democracy and economic planning: the political economy of a self-governing society*. Boulder, CO: Westview Press.
- Devine, P. J. 2002. Participatory planning through negotiated coordination. *Science & Society* 66(1): 72_85.
- Ellman, M. 1979. *Socialist planning*. London, UK: Cambridge University Press.
- Gordon, D. M. 1996. *Fat and mean: the corporate squeeze of working Americans and the myth of managerial "downsizing."* New York, NY: Martin Kessler Books.
- Khudokormov, G. N., gen. ed. 1967. *Political economy of socialism*. Moscow, USSR: Progress Publishers.
- Laibman, D. 1992. Market and plan: the evolution of socialist social structures in history and theory. *Science & Society* 56(1): 60_91. Republished as chapter 16, *Toward a working theory of the socialist economy*, in D. Laibman, *Value, technical change and crisis: explorations in Marxist economic theory*. Armonk, NY: M. E. Sharpe.
- Laibman, D. 1999. The cherry esplanade conjecture: a contribution to conceptual foundations for socialist renewal. *Science & Society* 63(3): 373_379.
- Laibman, D. 2001. Contours of the maturing socialist economy. *Historical Materialism* 9: 85_110.
- Laibman, D. 2002. Democratic coordination: towards a working socialism for the new century. *Science & Society* 66(1): 116_129.
- Marx, K. 1933. *The critique of the Gotha programme*. New York, NY: International Publishers.
- Nove, A. 1983. *The economics of feasible socialism*. London, UK: Allen & Unwin.
- Roemer, J. E. 1994. *A future for socialism*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Schweickart, D. 1992. Economic democracy: a worthy socialism that would really work. *Science & Society* 56(1): 9_38.